

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО СТРАН АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОГО РЕГИОНА

DOI 10.22394/1818-4049-2020-93-4-8-15
УДК 338.1(51)

О. М. Рензин
В. В. Кучук

Трансформация институционального инструментария в странах Северо-Восточной Азии: Южная Корея

Современная социально-экономическая ситуация в Северо-Восточной Азии тесно связана с преодолением в странах региона последствий беспрецедентных шоков, вызванных пандемией COVID-19. С одной стороны, это определило повсеместную практику формирования и реализации оперативных антикризисных программ, направленных на минимизацию рисков общественного развития. Одновременно существенное изменение условий деятельности, происходящее как в национальном, так и глобальном масштабах, вызвало необходимость корректировки стратегических проектов развития, адаптацию и трансформацию используемых социально-экономических моделей к «новой реальности». В особой мере этот процесс приобрел важность для системообразующих экономик региона (китайской, японской, южнокорейской), в которых происходят активные институциональные преобразования, направленные на повышение эффективности экономического развития, усиление конкурентных позиций стран на региональных и мировых рынках в новых условиях. В статье рассматривается содержание правительственной стратегической программы 2020 года «Корейский Новый курс», осуществляется ее сравнительный анализ с основными социально-экономическими программами, разработанными и реализуемыми в Республике Корея в последнее десятилетие.

Ключевые слова: Северо-Восточная Азия, Республика Корея, стратегические институциональные проекты, креативная экономика, «Корейский Новый курс».

Введение. Непрогнозируемые пандемические шоки 2020 г. кардинально повлияли на развитие всей мировой общественной системы. Остановки производства, закрытие границ, ограничения на поездки, другие форс-мажорные коллизии в значительной мере изменили как национальные, так и глобальные экономические и социальные процессы. Мировая хозяйственная система попала в порочные круги отрицательного трен-

да развития: принудительная остановка производства (получившая название «локдаун») – снижение доходов населения – падение потребления – уменьшение инвестиций – сокращение производства и т. д. Именно глобальный характер социального бедствия определил ожидаемые масштабы экономических потерь, которые получили оценки международных организаций, сравнимые с самыми тяжелыми в предшествующей истории

Олег Маркович Рензин – канд. экон. наук, советник научного руководителя, Институт экономических исследований ДВО РАН (680042, Россия, г. Хабаровск, ул. Тихоокеанская, д. 153). *E-mail:* renzin@ecrin.ru

Владимир Валерьевич Кучук – канд. экон. наук, старший научный сотрудник, Институт экономических исследований ДВО РАН (680042, Россия, г. Хабаровск, ул. Тихоокеанская, д. 153). *E-mail:* renzin@ecrin.ru

кризисами¹.

Задачи по преодолению последствий пандемии в большей или меньшей степени решаются всеми национальными экономиками. Но наиболее активный процесс их рассмотрения происходит в узловых точках мирового экономического развития, одной из которых, бесспорно, является Северо-Восточная Азия (СВА), аккумулирующая колоссальный ресурсный потенциал и имеющая на этой основе высоко оцениваемые перспективы для принятия на себя функций «локомотива» глобального роста.

Пандемические процессы оказали сильное влияние на экономики стран СВА. Именно в этом регионе возникли первые очаги заболеваний, повлекшие негативные экономические процессы. Именно этот регион стал первым испытательным полигоном в организации системных мероприятий по преодолению сначала медицинских, а затем экономических и социальных проблем. Возникшая ситуация потребовала от правительств всех стран региона сложного комплекса регуляторных решений. Они были связаны, прежде всего, с формированием эффективных институциональных антикризисных программ, поиском оперативных противоэпидемических мероприятий, обеспечивающих снижение системных рисков в социуме. По мнению специалистов, для этих нетрадиционных задач в большинстве стран СВА были найдены более эффективные решения, чем в других регионах мира. Именно здесь были разработаны и реализованы первые успешные программы по преодолению отрицательных трендов развития и компенсации понесенных национальными экономиками потерь².

Одновременно с принятием оперативных решений ожидаемая продолжительность и агрессивность шокового воздействия выявили необходимость кор-

ректировки генерализованных национальных моделей социально-экономического функционирования, адаптации долгосрочных стратегий хозяйственного развития стран региона к «новой реальности», к трансформации механизмов международных взаимодействий. Заложенные в основу национальной экономической политики долгосрочные программные документы под влиянием кризисных воздействий потребовали от руководства стран СВА институциональных изменений. В особой мере такие корректировки приобрели важность для системообразующих экономик региона (китайской, японской, южно-корейской), которые еще до начала ковидного кризиса начали процессы активных структурных преобразований, направленных на повышение эффективности экономического развития, усиление конкурентных позиций на региональных и мировых рынках, решение задач совершенствования национальных социально-экономических систем.

«Корейский новый курс» и трансформация институциональной организации экономики Южной Кореи. Одним из наиболее заметных событий в этой сфере стала презентация нового стратегического проекта страной, относящейся к «большой северо-азиатской тройке» – Южной Кореей. Ее президент Мун Чже Ин в июле 2020 г., т. е. в самый разгар борьбы мирового сообщества с ковидными потерями и поисками возможностей для их минимизации, представил новую долговременную программу национального экономического развития, получившую название «The Korean New Deal» («Корейский Новый курс»).

Само название проекта демонстрирует его высокую амбициозность. Используя формулу «Новый курс», авторы проекта отчетливо обозначают параллели с одноименной великой программой 30-х гг., реализованной в США администрацией пре-

¹ См., например, *Global Economic Prospects. June 2020. World Bank Group. 2020. 238 p.*; *A UN Framework for the immediate socio-economic response to COVID-19. United Nations 2020 51 c.*; *ILO Monitor: COVID-19 and the world of work. Fifth edition. International Labor Organization. June 2020 22 p.*

² *Обзор международной практики поддержки экономики и населения в условиях борьбы с пандемией коронавируса в Армении, Великобритании, Германии, Дании, Испании, Италии, Казахстане, Китае, Нидерландах, США, Финляндии, Франции, Швеции, Южной Корее, Японии М.: ВШЭ 2020. С.50-58; Асмолов К. В. Политика государств Корейского полуострова в области борьбы с коронавирусом // Проблемы ДВ. 2020. № 3. С. 40–52.*

зидента Ф. Д. Рувельта. Аллюзии здесь очевидны. Если американский институциональный проект обеспечил успешное преодоление в национальной экономике последствий Великой депрессии и проведение эффективных структурных реформ, то и его корейский тезка ориентирован на получение не меньшего по значимости позитивного результата. При этом в оценке исторической масштабности проекта корейские политики демонстрируют самые большие ожидания. Так, на официальном представлении этой программы президент страны Мун Чже Ин объявил, что она «заложит основу для развития Кореи на следующие 100 лет»³. Отмечая, что высокопарность вообще характерна для южно-корейской политической традиции, следует признать, что для пафоса, сопровождавшего представление новой программы, имеются достаточно серьезные основания.

Выделим несколько позиций, которые позволяют рассматривать анализируемый документ как важную стратегическую веху в развитии корейской экономической политики. По содержанию «Корейский Новый курс» – это многоцелевая национальная стратегия развития, призванная не только обеспечить выход страны из пандемического кризиса, но и генерировать в ее экономической системе прогрессивные структурные изменения.

Решение этих задач тесно связано с трансформацией ценностных ориентиров как ядра новой институциональной системы, формируемой на перспективный период.

Прежде всего обращает на себя внимание принципиально новое представление о целях экономического развития страны и соответствующей им институциональной организации. Признавая значительные успехи в обеспечении положительной динамики роста производственных структур, в тексте документа указывается на существующую «недостаточность

системы социального обеспечения», «усиление поляризации в обществе». Это рассматривается как серьезные вызовы для организации национального хозяйства. Ответ на них сформулирован в жестком императиве, заданном для реализации «нового курса»: «Корея меняет свою парадигму в сторону построения экономики, ориентированной на людей» («Korea has been shifting its paradigm towards a people-centered economy»)⁴. Такая позиция может обозначать не только смену текущих традиционных приоритетов развития, ориентированных на величину ВВП, темпы роста, объемы экспорта и т. д., но и претензии на формирование новой общественно-экономической модели.

Другая важная программная позиция также связана с фиксацией корректировок в экономической идеологии: в проекте заявлен переход от использования исторически сложившейся на предыдущих этапах развития «догоняющей модели» на лидерские («опережающие») технологии при реализации национальных программ. В тексте проекта зафиксировано, что «Корейский Новый курс» направлен на то, чтобы превратить страну «из быстрого последователя в первопроходца» («The Korean New Deal seeks to transform the country from a fast follower into a first mover»)⁵. В какой-то мере это можно рассматривать как заявку на преодоление сложившейся у значительной части профессионального сообщества (да и в общественном мнении тоже) позиции по интерпретации успехов Южной Кореи в экономике как достижений прилежного ученика, успешно копирующего японскую модель развития⁶. Представляется, что таким образом современное руководство Южной Кореи считает необходимым подчеркнуть стратегический поворот не только к самостоятельному пути развития, но и, возможно, к глобальному лидерству в разработке и реализации новой эффективной социально-экономической

³ *The Korean New Deal. National Strategy for a Great Transformation. Government of the Republic of Korea July 2020 p. V.*

⁴ *The Korean New Deal. National Strategy for a Great Transformation. Government of the Republic of Korea, July 2020, p. 3.*

⁵ *The Korean New Deal. National Strategy for a Great Transformation. Government of the Republic of Korea, July 2020, p. 10..*

⁶ См., например, Kang T.W. *Is Korea the Next Japan* N.Y. The Free Press. 1989. 196 p.

модели. Ее общие черты и структурные элементы достаточно строго описаны в тексте программы.

В основу институциональной организации экономики страны положено формирование трёх стратегических платформ, которые описываются под названиями «Цифровой новый курс» (Digital New Deal), «Зеленый новый курс» (Green New Deal) и всеобъемлющая сетевая система укрепления занятости и социальной защиты (Stronger Safety Net). Каждая из этих платформ имеет определенную целевую функцию в создаваемой институциональной системе, сформированную по этапам программу развития, включая финансовую составляющую.

С помощью «Цифрового Нового курса» Южная Корея стремится к дальнейшему укреплению своего экономического потенциала за счет расширения имеющихся конкурентных преимуществ в области информационных и коммуникационных технологий (далее – ИКТ). Эти процессы уже имеют весомое значение в современной экономике страны. К примеру, в проекте обращается внимание на высокую скорость проникновения в нее интернет-потребления: уже в начале 2020 г. оно достигало значительной по мировым меркам величины – 22,9% от общего объема потребления⁷. При этом авторы проекта считают, что в этом сегменте экономики есть значительные резервы развития.

Для реализации этой части национального проекта правительство планирует построить крупномасштабную и разветвленную национальную инфраструктуру ИКТ, обеспечивающую сбор, стандартизацию, обработку и объединение данных. Необходимость усиления инвестирования в цифровую инфраструктуру обосновывается значительным влиянием перехода к цифровой экономике на быстрое и эффективное внедрение инноваций, повышение конкурентоспособности отраслей и предприятий страны. На эти цели на период до 2025 г. предусмотрено финансирование в размере 58,2 трлн вон, из которых 44,8 трлн – бюджетные инвестиции⁸. При этом основная часть инвести-

ций будет сосредоточена на проектах по интеграции данных и по искусственному интеллекту. В результате реализации программы на этой платформе предполагается создание 903 тысяч рабочих мест. Созданная инфраструктурная система послужит базой для максимального использования возможностей цифровой экономики, ускорения цифрового перехода ключевых отраслей, создания новых цифровых производственных систем, обеспечение высоких динамических показателей развития экономики.

Вторая стратегическая платформа разработанного для Южной Кореи плана – «Зеленый Новый курс». Программа направлена на осуществление ускоренного перехода к низкоуглеродной экономике, а в перспективе – к достижению в производственной системе страны нулевых выбросов. С этой целью правительство планирует построить экологически чистую энергетическую инфраструктуру, которая будет способствовать энергосбережению и более широкому использованию возобновляемых источников энергии. Для финансирования этого плана в программе предусмотрено вложение за период до 2025 года 73,4 трлн вон, из которых 42,7 трлн – бюджетные инвестиции. С целью усиления мер по борьбе с изменением климата государственные инвестиции будут сосредоточены на возобновляемых источниках энергии (24,3 трлн вон), создании «зеленой» инфраструктуры (12,1 трлн вон) и развитии «зеленой» промышленности (6,3 трлн вон). При этом подчеркивается, что переход к «зеленой» экономике не просто улучшает качество жизни людей и улучшает окружающую среду, но также предполагает возможности для создания новых высокотехнологичных отраслей и рабочих мест. В результате реализации программы будет создано 659 тысяч рабочих мест.

Третья институциональная платформа для целенаправленных изменений экономических и социальных структур в корейской экономике формируется в системе занятости и социального обеспечения. В этот проект, который организован по се-

⁷ *Online Shopping Trend of May 2020 // Statistics Korea, 2020, Press Release July 3.*

⁸ *Справочно, в декабре 2020 г. по официальному курсу 1000 корейских вон конвертировались в 0,9 доллара США (см. сайт Центрального банка Южной Кореи <http://www.bok.or.kr>).*

тевому принципу, предполагается инвестировать 28,4 трлн вон (в т. ч. 26,6 трлн вон из казны). Высокая доля бюджетной составляющей в финансировании отражает социальную ориентированность этой платформы, которая обеспечит создание в экономике дополнительно 339 тысяч рабочих мест. За счет инвестиций в человеческие ресурсы в стране будет осуществляться подготовка квалифицированных кадров для разработки и внедрения инноваций, для намеченного перехода к цифровой и «зеленой» экономике. Этим, с одной стороны, разрешаются накопленные проблемы сбалансированности рынка труда и формирования внутреннего спроса, и, с другой стороны, создаются дополнительные возможности для становления новой экономики в Южной Корее.

В результате согласованной реализации инвестиционных планов по формированию всех институциональных платформ «Корейского Нового курса» намечено последовательное и взаимосвязанное достижение трех важных национальных целей.

Первой, наиболее краткосрочной из них, является минимизация последствий посткоронавирусного экономического шока в хозяйственной системе страны. Для этих целей в начальном периоде реализации программы инвестиции будут вкладываться, прежде всего, в проекты, которые помогут преодолеть кризис или которые можно реализовать немедленно.

Вторым целевым ориентиром названо возвращение корейской экономики к режиму высоких темпов экономического роста, восстановление динамики инвестиций, создание необходимой инфраструктуры для цифровой и «зеленой» экономики, создание новых рабочих мест в инновационных отраслях.

Третьей (стратегической) целью «Корейского Нового курса» определено формирование в экономике страны такой институциональной системы, которая

обеспечивает не только адаптацию к структурным изменениям, но и создает возможности для того, чтобы Южная Корея в постковидную эру могла стать «лидером мирового сообщества» («also to lead the global community in the post COVID-19 era»)⁹.

Важное место в системном подходе по достижению целей, выдвинутых в макроэкономических программах, разработанных в Южной Корее, занимает определение ключевых структур (отраслей, сегментов рынка, перспективных технологий), за счет развития которых эти цели будут достигнуты. Этот элемент стратегического планирования был позитивен в институциональных технологиях развития послевоенной Японии. Впоследствии инструментарий выделения и поддержки приоритетных отраслей был, по мнению специалистов, значительно усовершенствован и активно использован в корейской управленческой практике на всех этапах развития экономики¹⁰.

Особенно важным он стал в период выведения страны на высокие темпы роста и повышения статусности в мировой экономике. Так было, например, в 2010 г., когда президентом Ли Мен Баком была объявлена стратегическая программа под названием «7-4-7». Она была предложена властями страны после нескольких лет вялого роста. Необходимы были решительные меры для создания более динамичной и инновационной экономики за счет структурных реформ. Руководствуясь разработанным подходом к реализации структурной политики, были определены, во-первых, три целевых показателя, достижение которых было намечено в период до 2020 года: поддерживать темпы экономического роста на 7-процентном уровне; достичь объема ВВП страны в расчете 40 тысяч долларов США на душу населения; войти в семерку крупнейших экономик мира. И, во-вторых, предложены ключе-

⁹ *The Korean New Deal. National Strategy for a Great Transformation. Government of the Republic of Korea, July 2020, p. 4.*

¹⁰ «Далеко не все удалось здесь (в промышленной политике – О.Р.) первопроходцу – Японии. Южная Корея, естественно, могла вовремя извлекать уроки из неудач японцев, в целом одобрив японский путь структурной перестройки промышленности» Канг Т. В. Станет ли Южная Корея еще одной Японией // США-ЭПИ. 1990. № 9. С. 92–101. С. 97.

вые структуры, выполняющие функции локомотивных отраслей: нанотехнологии, атомная промышленность, военно-промышленный комплекс, авиастроение [Зотин, 2014. С. 47].

Эта программная технология получила развитие в 2015 г., когда Президент Республики Корея Пак Кын Хе выдвинула «Трехлетний план инновационного развития», ориентированный на формирование и развитие в стране «креативной экономики». Главная идея этой стратегической модели была связана с созданием в стране не только новых продуктов, но и новых отраслей. Именно такие новации могут обеспечить как эффективное развитие и рост конкурентных позиций страны на внешних рынках, так и сформировать высокотехнологичную производственную систему, ориентированную на информационные технологии, опережающее развитие стартапов и т. д. [Кукула, 2016. С. 27–32].

В каждом случае при отборе ключевых проектов были активно использованы не только критерии, связанные с экономическими и коммерческими результатами развития производств, включая внешне-торговые, но и дополнительные критерии, которые определяли влияние данной приоритетной группы производств на формирование интеллектуального и социального потенциала страны¹¹.

Такой подход сохранился и при разработке «Нового курса». Определяя состав включенных в программу 10 ключевых проектов, учитывалось не только их значительность с точки зрения создания рабочих мест и новых отраслей, т. е. экономическая эффективность. Необходимым условием для включения стало их соответствие согласованным между правительством, законодательной властью, бизнесом и обществом дополнительным критериям. В их числе рассматривались уровень социальной эффективности, возможности мобилизации частных инвестиций, стимулирование регионального развития и др.

Исходя из этого, среди ключевых проектов наряду с производственно-отраслевыми, таким как проект «Умные» и «зеленые» промышленные комплексы, имеются социально-ориентированные и институциональные. Так, в «десятку» вошли проекты «Умное здравоохранение» и «Зеленые» и «Умные» школы», ориентированные на структурное совершенствование социальной инфраструктуры, а также проект «Умное правительство», модернизирующий систему государственного управления.

При всем многообразии и детализации перспективных ориентиров, обозначенных в «Корейском Новом курсе», за его пределами осталась группа вопросов, которые являются принципиально важными для дальнейшего развития страны. Одним из не вошедших в рассматриваемую программу развития остался ее внешнеэкономический аспект, чрезвычайно важный для экспортно-ориентированной системы народного хозяйства Кореи. Эта проблема, безусловно, находится в процессе рассмотрения властными структурами, но, возможно, в силу высокой неопределенности текущих экономических международных взаимодействий, а также ожидания в перспективе изменений, обсуждение этих проблем происходит в рамках экспертного сообщества¹².

Заключение. Учитывая высокую зависимость будущего развития Южной Кореи от трех гигантских рынков – китайского, европейского и американского, учеными и специалистами рассматриваются различные сценарии встраивания экономики страны в международные технологические цепочки и определяются институциональные механизмы поддержки внешнеэкономических механизмов.

При этом рассматриваемый набор сценариев имеет значительные модификации, которые зависят как от национальных трансформаций экономических систем, так и возникновения различных институциональных конфигураций. В частности, большие возможности и огра-

¹¹ Подробное рассмотрение периодической смены отраслевых приоритетов в развитии корейской экономики содержится в статье Агабекова С. И., Левинной Е. А. *Корпорации и экономический рост. Опыт Южной Кореи // ЭКО. 2017. № 3. С. 134–146.*

¹² См. напр. Byung-il Choi. *Global Value Chain in East Asia Under «New Normal»: Ideology-Technology-Institution Nexus // East Asian Economic Review Vol. 24, no. 1, 2020, pp. 3–30.*

ничения могут возникать в связи с принятием ведущими странами СВА тех или иных стратегических установок на перспективу. Будет ли активизирована реализация планов по модификации модели развития Китая, которые предусматривают усиление процессов импортозамещения и стимулирование развития внутреннего рынка? Продолжит ли Япония реализацию экономической политики в рамках «абэномики», или ей на смену придет новая стратегия? Будет ли поддерживать ограничительные меры для интеграционных взаимодействий в СВА новая администрация США? При этом на пересечении национальных макроэкономических конструкций могут возникать различные синтетические образования, характеристики которых дают много поводов для построения сценариев их дальнейшего генезиса и оценки возможного влияния на мировое развитие.

Ответы на эти и другие вопросы перспективного развития Республики Корея, очевидно, должны быть сформулированы администрацией президента Мун Чже Ина в качестве программного документа, замещающего «Евразийскую инициативу» предыдущего президента страны. Именно при появлении такой внешнеэкономической стратегии можно будет более полно оценить значение «Корейского Нового курса» как широкой программы национального развития, определяющей развитие страны «на следующие сто лет».

Список литературы:

1. Агабеков С. И., Левина Е. А. Корпорации и экономический рост. Опыт Южной

Кореи // ЭКО. 2017. № 3. С. 134–146.

2. Асмолов К. В. Политика государств Корейского полуострова в области борьбы с коронавирусом // Проблемы ДВ. 2020. № 3. С. 40–52.

3. Зотин А. Рецепт сноровки по-корейски // Коммерсантъ-Деньги. 2014. № 19. С. 47.

4. Канг Т. В. Станет ли Южная Корея еще одной Японией // США-ЭПИ. 1990. № 9. С. 92–101. С. 97.

5. Кукла М. П. Республика Корея: на пути к креативной экономике // Азия и Африка сегодня. 2016. № 9. С. 27–32.

6. Обзор международной практики поддержки экономики и населения в условиях борьбы с пандемией коронавируса в Армении, Великобритании, Германии, Дании, Испании, Италии, Казахстане, Китае, Нидерландах, США, Финляндии, Франции, Швеции, Южной Кореи, Японии. М.: ВШЭ. 2020. 72 с.

7. A UN Framework for the immediate socio-economic response to COVID-19. United Nations. 2020. 51 с.

8. Byung-il Choi. Global Value Chain in East Asia Under «New Normal»: Ideology-Technology-Institution Nexus // East Asian Economic Review. Vol. 24. No. 1. 2020. Pp. 3–30.

9. Global Economic Prospects. June 2020. World Bank Group. 2020. 238 p.

10. ILO Monitor: COVID-19 and the world of work. Fifth edition. International Labor Organization. June 2020. 22 p.

11. Kang T. W. Is Korea the Next Japan N.Y. The Free Press. 1989. 196 p.

12. The Korean New Deal. National Strategy for a Great Transformation. Government of the Republic of Korea. July 2020. 71 p.

Библиографическое описание статьи

Рензин О. М., Кучук В. В. Трансформация институционального инструментария в странах Северо-Восточной Азии: Южная Корея // Власть и управление на Востоке России. 2020. № 4 (93). С. 8–15. DOI 10.22394/1818-4049-2020-93-4-8-15

Oleg M. Renzin – Candidate of Economics, advisor of the scientific head, the economic research Institute of FEB RAS (153, Tikhookeanskaya str., Khabarovsk, 680042, the Russia). *E-mail: renzin@ecrin.ru*

Vladimir V. Kuchuk – Candidate of Economics, senior researcher, the Institute of economic researches of FEB RAS (153, Tikhookeanskaya str., Khabarovsk, 680042, the Russia). *E-mail: renzin@ecrin.ru*

Transformation of institutional instruments in the NEA Countries: South Korea

The current socio-economic situation in the North-Eastern Asia is closely related to overcoming the consequences of unprecedented shocks caused by the COVID-19 pandemic in the countries of the region. First of all, it determined the widespread practice of forming and implementing operational anti-crisis programs aimed at minimizing the risks of social development. At the same time taking place both on the nationally and globally level a significant change in the conditions of activity has caused the need to adjust strategic development projects, adapt and transform the used socio-economic models to the “new reality”. This process is especially important for the systemic economies of the region (Chinese, Japanese, South Korean), in which active institutional transformations are taking place, aimed at increasing the efficiency of economic development in the new conditions, strengthening the competitive positions of countries in the regional and world markets. The content the strategic institutional project «The Korean New Deal», developed in July 2020, and a comparative analysis of its main provisions with the social and economic government programs implemented in the Republic of Korea in the last decade are examined in the presented article.

Keywords: the North-Eastern Asia; Republic of Korea; strategic institutional projects; creative economy; «The Korean New Deal».

References:

1. Agabekov S. I., Levina E. A. Corporations and economic growth. Experience of South Korea *EKO [ECO]*, 2017, no. 3, pp. 134–146. (In Russian).

2. Asmolov KV Policy of the states of the Korean Peninsula in the fight against coronavirus *Problemy DV [Problems of the Far East]*, 2020, no. 3, pp.40–52. (In Russian).

3. Zotin A. The recipe for dexterity in Korean *Kommersant’-Den’gi [Kommersant-Money]*, 2014, no. 19, pp. 47. (In Russian).

4. Kang T. V. Will South Korea become another Japan *SSHA-EPI [USA-EPI]*, 1990, no. 9, pp. 92–101, p. 97. (In Russian).

5. Doll M.P. Republic of Korea: Towards a Creative Economy *Aziya i Afrika segodnya [Asia and Africa Today]*, 2016, no. 9, pp. 27–32. (In Russian).

6. Review of the international practice of supporting the economy and the population in the fight against the coronavirus

pandemic in Armenia, Great Britain, Germany, Denmark, Spain, Italy, Kazakhstan, China, the Netherlands, USA, Finland, France, Sweden, South Korea, Japan. M.: Higher School of Economics. 2020. 72 p. (In Russian).

7. A UN Framework for the immediate socio-economic response to COVID-19. United Nations. 2020. 51 c.

8. Byung-il Choi. Global Value Chain in East Asia Under «New Normal»: Ideology-Technology-Institution Nexus *Vostochnoaziatskiy ekonomicheskii obzor [East Asian Economic Review]*, vol. 24, no. 1, 2020, pp. 3–30.

9. Global Economic Prospects. June 2020. World Bank Group. 2020. 238 p.

10. ILO Monitor: COVID-19 and the world of work. Fifth edition. International Labor Organization. June 2020. 22 p.

11. Kang T. W. Is Korea the Next Japan N.Y. The Free Press. 1989. 196 p.

12. The Korean New Deal. National Strategy for a Great Transformation. Government of the Republic of Korea. July 2020. 71 p.

Reference to the article

Renzin O. M., Kuchuk V. V. Transformation of institutional instruments in the NEA Countries: South Korea // Power and Administration in the East of Russia. 2020. No. 4 (93). Pp. 8–15. DOI 10.22394/1818-4049-2020-93-4-8-15